

DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-126-157

УДК 94(47).02

КУКЕНОЙС, ГЕРЦИКЕ И ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОЙКУМЕНИ¹

Дворниченко Андрей Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
a.dvornichenko@spbu.ru

Аннотация. Автор обращается к исторической ситуации на западных рубежах древнерусской ойкумены. С очень давних времен русские земли строили отношения с местными прибалтийскими племенами балтской и финской языковых семей с помощью даннической зависимости. Первоначально эту дань, видимо, собирал Киев, но со временем это стало прерогативой Полоцка. Причем установление дани следует отнести к концу XI в. Сформировавшаяся в западных землях Руси, Полоцкая земля в XII–XIII вв., распространяя дань, столкнулась с противодействием Риги и орденских братьев-рыцарей. В ходе осуществления сложной политики в регионе возник русский эксклав: волости Кукенойс и Герцике, зависевшие от главного города Полоцкой земли. В историографии давно идет спор касательно того, какую роль в политической и экономической жизни региона играли эти волости, а главное – какому этносу они принадлежали. В статье обосновывается идея о том, что это были части древнерусского Полоцкого города-государства – результат колонизации и волостного распада, характерного для Древней Руси. Нет никаких оснований считать их государственными образованиями местных прибалтийских племен. Ситуация вполне напоминает ту, что была на другой стороне древнерусской ойкумены: в Причерноморье возникла Тмутороканская волость.

Ключевые слова: Кукенойс, Герцике, Полоцкий город-государство, волость, Генрих Ливонский, рыцари, Тмутороканская волость.

Цитирование: Дворниченко А.Ю. Кукенойс, Герцике и границы древнерусской ойкумены // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 126–157.
DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-126-157 / Dvornichenko A.Yu. Kukuenois, Gerzike and the Borderlines of Ancient Russian Ecumene, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 4. Pp. 126–157. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-126-157.

© Дворниченко А.Ю., 2023

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

KUKENOIS, GERZIKE AND THE BORDERLINES OF ANCIENT RUSSIAN ECUMENE

Dvornichenko Andrey Yu.

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

a.dvornichenko@spbu.ru

Abstract. The author turns to the historical situation on the western borders of the Old Russian Oikumena. From very long time, Russian lands built relations with local Baltic tribes of the Baltic and Finnish language families with the help of a Dannic dependence. Initially, this tribute, apparently, collected Kyiv, but over time it became Polotsk. Moreover, the establishment of tribute should be attributed to the end of the 11th century. Formed in the Western lands of Rus', the Polotsk land in the 12th–13th centuries, spreading tribute, faced opposition to Riga and the Order Brothers Rytse. During the implementation of a complex policy in the region, a Russian exclud arose: the volost – Kukenis and Herzike, which were dependent on the main city of Polotsk land. A dispute has long been in historiography regarding what role these volosts played in the political and economic life of the region, and, most importantly, which ethnic group they belonged. The article justifies the idea that these were parts of the Old Russian Polotsk city-state – the result of colonization and volost decay, characteristic of Ancient Rus'. There is no reason to consider them state formations of local Baltic tribes. The situation is quite reminiscent of the one that was on the other side of the Old Russian Oikumena: a Tmutorokan volost arose in the Black Sea region.

Keywords: Kukenois, Gerzike, The City-State of Polotsk, volost, Henry of Livonia, knights, Tmutorokan volost.

Там русский дух, там Русью пахнет!

А.С. Пушкин. Руслан и Людмила

Древнерусский мир был достойным предшественником нынешнего необъятного русского мира. Уже в те далекие от нас века раскинулся он на огромных пространствах, вбирая в себя массу русских и нерусских городов и весей, племен и родов. И это не было каким-то бессмысленным и алогичным конгломератом этнических и социальных акторов. Наоборот, все было пронизано своей логикой, в основе лежала система отношений, которая на первый взгляд кажется элементарной. Но это только на первый...

Очень интересные ситуации возникали по границам громадной древнерусской эй/ойкумены. К одному такому региону (а следовательно, и ситуации) предлагаю обратиться. Речь идет о древнерусском эксклаве, возникшем на берегах Западной Двины (Даугавы). Здесь сталкивались интересы и судьбы прибалтийского населения (предков нынешних литовцев, латышей, эстонцев), русских, немцев, датчан, шведов; пересекались разные векторы конфессионального развития – в общем, жизнь бурлила! Историография изучения региона насчитывает немало разноязычной литературы за многие уже десятки, а то и сотни лет.

Для ее освещения необходима отдельная работа, а посему историография вкраплена в ткань статьи. Но для начала отмечу, что в этой большой историографии есть свои ясно различимые тренды. Они (и это не удивительно!) направлены в основном на выяснение национального характера двинских сообществ и их князей. В меньшей степени привлекал внимание характер социальных и политических отношений. В литературе отмечалось, что вхождение прибалтийских стран в ЕС вызвало резкое изменение в нынешнем историописании [Kivimäe, 2016, p. 203]. Drang nach Osten с его ужасами стал как-то уходить на задний план. Более того, польские и литовские историки, договорившись с немецкими, его вообще отменили, находя в продвижении немцев на восток массу положительного [см. подробнее: Дворниченко, 2024]. Русским же, их деяниям и политике, позитивного внимания уделяется все меньше. Впрочем, им и в советское время не везло: тогда надо было думать в первую очередь об освещении (желательно комплиментарном) исторического развития жителей прибалтийских республик, входивших в Советский Союз, а русские оказывались в стороне. Не пора ли вспомнить и о них?

Недатированная часть «Повести временных лет» помещает племена, обитавшие в Прибалтике, в «пределе Афетове», где «седять» «вси языци». Вот эти «вси языци» и включают в себя литву и другие балтские/финские племена (земгалов, куршей, латгалов, ливов), которые вкупе с «ляхами» и «прусами» «преседят» к морю Варяжскому [Повесть временных лет, 1996, с. 8]¹. Все они находятся в зоне даннической

¹ В данной работе я практически не затрагиваю эстов (чудь), поскольку отношения с ними древнерусских земель – отдельная обширная тема. С ними были связаны в основном Новгород и Псков, а не Полоцк.

зависимости от Руси [ПСРЛ, 1997, стб. 11; ПСРЛ, 1998, стб. 8]. Как подметил В.Т. Пашуто, летописец знает и перечисляет четыре латышских племени, вспоминает и разные чудские племена, а вот литву (аукштайте – «верхняя литва») упоминает в целом. Это при том, что он знает и жемайтов (жмудь) – «нижнюю литву», и ятвягов – непосредственных родичей литовцев [Пашуто, 1959, с. 10]. Наверное, в начале XII в., когда, как полагают, составлялась летопись¹, это могло значить только одно: бóльшую разрозненность латышских племен по сравнению с литовскими и, соответственно, меньшую готовность к созданию стабильного вожества.

О даннической зависимости прибалтийских (и близлежащих) племен сообщают и летописи поздние (XIV–XV вв.): «Печера, Ямь, Литва исперва исконнии данници и конокормци» [ПСРЛ, 1995, с. 5]. Украинский историк Н.Ф. Котляр увидел в этом сообщении информацию о том, что эти племена – скотоводы («конокормци») [Котляр, 2015, с. 11]. Полагаю, что это сообщение надо рассматривать в контексте даннической зависимости (и дань давали, и корней кормили тех, кто дань собирал), а не хозяйственных занятий литовцев и других прибалтийских племен. Еще интересно узнать, к какому времени относится это «исперва» и кто, собственно, эту дань с балтов брал – ведь для тех времен установление дани и есть распространение власти.

Есть версия, что власть русских распространялась до устья Западной Двины уже в середине X в. [Пашуто, 1972, с. 264]. Основанием служили русско-византийские договоры, в которых фигурировал, например, некий лив – Арфаст, который был наместником Руси у ливов. Это наблюдение В.Т. Пашуто убедительно оспорила Е.Л. Назарова, обратив внимание и на то, что в письменных источниках сведения о походах на ливов в X–XI вв. отсутствуют [Назарова, 1986, с. 179]. Не стоит, видимо, придавать особого значения и некоему «Ятвягу Гунареву», фигурирующему в русско-греческом договоре 944 г. [ПСРЛ, 1998, стб. 35–36] (в Лаврентьевской летописи: «Явтяг Гунаров» [ПСРЛ, 1997, стб. 47]). Может, это ятвяг, ставший «Ятвягом» в иноэтничной среде [Успенский, 2002, с. 61], а может, у него и германские, скандинавские корни [Кибинь, 2014, с. 54–56]. Кем бы он ни был, нашу эвристическую жажду ему не утолить... Ну, а уж то, что он имел «свой лен где-то на западной границе страны» [Пашуто, 1959, с. 11], в память о видном советском ученом оставляю без комментариев. Впрочем, надо видеть, что шел взаимообмен культур и сил: на русской службе в дружине Даниила Галицкого будет ятвяг Ящелта (Ящела) [ПСРЛ, 1998, стб. 812]², у князя Владимира – аноним, «родом прусин» [ПСРЛ, 1998, стб. 886–887].

В свое время петербургский, а потом эмигрантский историк барон М. Таубе полагал, что еще Владимир Святославич, захватив в 980 г. Полоцк, распространил свою

¹ От этого вывода, сделанного нашими славными предшественниками, прежде всего А.А. Шахматовым, похоже, не отказалась и современная российская наука [см: Артамонов, 2014, с. 538]. Следует, конечно, видеть и корни летописания, которые могут уходить даже в IX в. [см.: Кузьмин, 1977, с. 387].

² Впрочем, дружинником его считает В.Т. Пашуто [Пашуто, 1959, с. 32], а из самого текста не совсем ясно, кто он.

власть по берегам Двины. Однако в начале XI в. прибалтийские народы освободились от власти Руси [Таубе, 1935, S. 373] (по наблюдениям А.А. Шахматова, произошло это в 970 г. [см.: Шахматов, 1908. с. 173–175]). Есть версия, что в сборе дани доминировал Полоцк: киевские князья совершали свои походы на литву и ятвягов только в условиях мирных отношений с Полоцком или когда непосредственно завоевывали его [Алексеев, 1966, с. 263]¹. О доминировании Полоцка в отношениях с литвой, существовавшем уже в X в., писал и Е. Охманьский [Ochmański, 1981, с. 16–25]. Полагаю, что такой возможности у Полоцка тогда просто не было: затянувшаяся и на весь последующий век борьба с Киевом отнимала слишком много сил. Да и потребность в этом у Полоцка появилась позже – о чем ниже. К тому же Полоцк больше зависел от такого могучего центра Древней Руси, как Новгород [Фроянов, 2015, с. 832], а у того даннические интенции, как уже было отмечено, направлялись в несколько иную сторону.

Надо сказать, что дань – это форма коллективного отчуждения прибавочного продукта, осуществляемого посредством войн, плата за мир, эдакий эрзац «общения» между народами в древности [Фроянов, 1996, с. 274], а посему искать какие-то начала – в этом случае занятие неблагодарное. Но порассуждать можно.

Интерес такого рода к окружающим народам восточные славяне могли проявлять только в том случае, когда у них возникла соответствующая политическая организация – достаточно весомое вождество на основе того суперсоюза племен, который сформировался в Восточной Европе. Произошло это не ранее IX в. Безусловно, война и дани могут быть и в эпоху военной демократии [Дворниченко, 2010, с. 74–75, с. 102–103, с. 171–173]², но без вождества столь масштабные мероприятия не очень эффективны и востребованы. Нашему выводу могут противоречить былины. Можно предположить, что древнейший пласт восприятия Прибалтики – былина «Илья Муромец и дочь». В ней, познакомившись со своей дочерью, которая оказалась родом «из темной орды, хороброй Литвы», богатырь рассказывает:

Жил я в хороброй Литвы

По три году поры-времени.

Выхаживал дани-выходы от князя Владимира [Песни..., 1909, с. 30–31].

Если относить составление былин к каким-то доисторическим, эпическим временам, то тогда временная перспектива в былинах просто теряется. Однако И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин, развивая идеи В.Я. Проппа, в свое время убедительно показали, что это народное творчество вполне укладывается в эпоху Киевской Руси (IX–XII вв.) [Фроянов, Юдин, 1997, с. 231–232, 241, 259, 267 и др.]. Так что былины не

¹ См. также: [Алексеев, 2006, с. 4–5]. Мысль о связи походов киевских князей на Литву с их взаимоотношениями с Полоцком еще раньше высказывал А.Н. Насонов [Насонов, 1954, с. 154]. Историк, правда, задумался о том, кому поступала дань в XI–половине XII в. – Киеву или Полоцку, – и ответить на этот вопрос не смог.

² Военная демократия предшествует формированию вождества, а от вождества дорога могла пойти в разные стороны.

выпадают из нашей схемы: более или менее регулярный сбор дани мог начаться с формированием киевского вожества. Продолжился он и в процессе кристаллизации (в XI в.) древнерусских городов-государств [Фроянов, Дворниченко, 1988].

Что касается последних, то из них главную роль в судьбах прибалтийских земель сыграла Полоцкая земля [Назарова, 1986, с. 179–180]¹. Е.Л. Назарова связывает распространение полоцкой дани на ливов со второй половиной XI в. — с деятельностью знаменитого Всеслава². Тут доводами для нее служат логика (Всеслав накапливал силу для борьбы с Киевом) и некоторые археологические артефакты, которые, как кажется, отражают русское влияние [Назарова, 1986, с. 181]. При этом она сама фактически признает, что этих доводов недостаточно, т.к. отмечает, что уже при жизни Всеслава сбор дани прекратился. Мне ближе такая версия: «формирование Полоцкой волости за счет славянских земель к исходу XI в. в основном завершается. Дальнейшее ее расширение теперь осуществляется в неславянских землях Прибалтики» (курсив мой — А.Д.) [Фроянов, Дворниченко, 1988, с. 198].

Действительно, борьбы с Киевом и распространения власти на более близкие земли вполне хватило почти на целый век... О зависимости двинских ливов свидетельствуют и немецкие источники: хроника Арнольда Любекского и ряд других [Матузова, Назарова, 2002, с. 59–60]. Когда Рифмованная хроника говорит о том, что земли селов, ливов и латгалов подвластны Руси (*waren in der Rußen hant*), она имеет в виду прежде всего данническую зависимость [Пашуто, 2011, с. 474]. Процесс распространения даннической власти был, конечно, непросто: например, под 1106 г. киевский летописец сообщил о поражении полоцких Всеславичей от земгалов [ПВЛ, 1996, с. 185] (в поход, видимо, были вовлечены большие силы волостного ополчения: только так можно объяснить столь значительные потери).

Очень важно также подчеркнуть, что для славян дани явно перекрывали их прозелетические интенции, «ибо русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег» [Генрих Латвийский, 1938, с. 152]. (Это, естественно, не означает, что русские не несли сюда свет своей веры, и факты эти известны. Речь идет о сравнении с католическим прозелетическим натиском.) Вообще-то, ситуация с православной христианизацией здесь очень интересная. С одной стороны, православной миссии здесь не было, а с другой — вся базовая христианская лексика в современном латышском — из древнерусского языка [Selart, 2015, p. 73–74]. Как можно добиться такого эффекта? Нужны ли тут комментарии?

¹ Археологические материалы ясность в связи между Киевским Поднепровьем и землями протолатышских и эстонских племен не вносят: найденные артефакты относятся скорее к сфере торговли.

² Один из новейших историков ставит вопрос ребром: когда же литовская дань переходит от Киева к Полоцку — и выдвигает предположение, что во времена Всеслава Брячиславича (1044–1067) [см.: Темушев, 2021, с. 298]. Хотя сама постановка вопроса и некорректна — дань не эстафетная палочка, но примерный ответ сформулировать можно: когда полоцкая волость стала активно формироваться за счет соседних земель, т.е. к концу XI в.

Полоцкая земля была весьма приспособлена для этих «колониальных» устремлений не только благодаря своему геополитическому положению. Это один из рано сформировавшихся городов-государств, где возникла и епископия [Щапов, 1986, с. 60]¹, так что он мог оказывать и церковно-религиозное влияние на окружающие земли. Впрочем, были и минусы такого раннего развития: раньше других (уж точно раньше соседней Смоленской волости) [Дворниченко, 2013, с. 94] земля стала распадаться на самостоятельные города-государства; наряду с Полоцком получили развитие такие центры, как Витебск, Минск, Друцк и др., которые также «стягивали» вокруг себя волости.

Ситуация, между тем, стала меняться: из объекта даннической зависимости прибалтийские племена все больше превращались в, так сказать, субъект права. Они стали сами совершать набеги на земли соседей, а затем и принимать участие в постоянных волостных «каторах», которые были так характерны для Древней Руси [Пашуто, 1959, с. 31–32]. В первую очередь это относится к воинственным литовцам: в 1185/1186 г. они впервые напали на ливонскую колонию Икесколу, где рыцари возвели первые в Прибалтике каменные сооружения – церковь и замок [Hellmann, 1978, S. 124]. Нападения становились регулярными – об этом свидетельствуют жалобы немцев на «великую мощь литвы» [Ochmański, 1999, s. 41–42]. Воинственными были не только литовцы. Например, в масштабных событиях 1180 г., когда полоцкие князья пришли на помощь Святославу Васильковичу, участвовали Брячислав из Витебска, брат его Всеслав с полоцким ополчением («Полочане») – «с ними же бяхуть и *Либь*, и Литва», и ряд князей [ПСРЛ, 1998, стб. 620].

Был и другой фактор, который стал менять ситуацию в регионе. Считается, что первая фактория немецких купцов появляется здесь около 1160 г. [Kosman, 1981, s. 68]. Затем уже в 1180-е гг. за купцами прибыл каноник Мейнард, целью которого была явно не торговля, а христианизация варваров. Началась католическая экспансия, которую вполне можно определить как одну из разновидностей крестовых походов². Епископ Альберт решал двуединую задачу, когда приказал построить себе укрепленную резиденцию: надо было укрыться от нападений эстов с моря и литвы с суши/реки [Szaskolskij, 1990, s. 104]. Собственно, именно для борьбы с литовцами (и другими племенами) Альберт и пошел на создание пресловутого *Fratres Militiae Christi de Livonia*, т.е. Ордена меченосцев. Рыцарям было чем заняться: литовцы не оставляли своим вниманием новых соседей (об этих набегах писал Генрих Латвийский, а Пашуто их уже суммировал в своей книге [см.: Пашуто, 1959, с. 369]).

¹ Впрочем, вопрос о полоцкой епископии сложен: по косвенным данным, ее возникновение можно отнести к 992/1000 г., но первый полоцкий епископ Мина фигурирует под 1105 г. [Алексеев, 2006, с. 47]. И.Я. Фроянов, например, несколько запутался в этом вопросе, два раза открыв епископию в Полоцке [см.: Фроянов, 2015, с. 840, 852–853].

² Не могу согласиться с той идеей, что и у русских был свой «вариант крестовых походов» [Пашуто, 1959, с. 32] или что они участвовали в западных крестовых походах [Майоров, 2011, с. 107]. Ни по своим целям, ни по характеру такое мероприятие не могло стать составной частью российской цивилизации и ментальности.

При этом современная наука затрудняется отделить в этой католической экспансии прозелетизм от экономических и политических интересов [Тамм, 2013, р. 454]¹. Стараясь понять сущность этого явления, не стоит забывать о том, что правовая основа таких походов должна быть санкционирована папой – представителем бога на земле, а на худой конец – каким-нибудь очень солидным епископом – представителем папы [Lindholm, Nicolle, 2007, р. 3]. Как бы то ни было, это была мощь, с которой пришлось столкнуться и Руси, и прибалтийским народам.

Двинские земли оказались в сфере влияния Полоцкого города-государства. Здесь располагались два подчиненных Полоцку города: Ерсике (Герцике) и Кукенойс (Кокнесе) [Фроянов, 2015, с. 851]. Проблема (можно сказать, «феномен») этих городов давно уже будоражит воображение исследователей, осложняясь всякого рода политическими симпатиями и антипатиями. Исследователи дают широкий спектр мнений о характере зависимости этих земель от Полоцкой Руси: от слабовыраженной зависимости до полной принадлежности русским [Selart, 2015, р. 66]. Последнее было бесспорным для российских историков, некоторые из которых в какой-то момент оказались «остзейскими» [Кейслер, 1900, с. 2; Taube, 1935, S. 421–428, 433]². Латышские историки в начале своих занятий *своей* историей вполне довольствовались утверждением о русской принадлежности и князей, и замков, а саму территорию считали полностью подчиненной Полоцку [Назарова, 1995, с. 184].

Однако в следующем, т.е. XXI столетии, историки, прежде всего в латвийской эмиграции, стали подчеркивать независимость латышских земель от Полоцка, а сейчас, как пишет эстонский историк, и вовсе отрицают какую-либо связь их с этим древнерусским городом [Selart, 2015, р. 66]³. Наш российский историк Е. Л. Назарова – крупнейший знаток древней истории латышских земель, видимо, исходя из славной советской политкорректности, также пришла к выводу о латышском характере этих «государственных» организмов, о прибалтийских именах князей, а также названиях «замков» [Назарова, 1995, с. 190–193; Матузова, Назарова, 2002, с. 29, 71].

Стоит отметить, что понятие «национальную» принадлежность этих городов очень интересно, но, конечно, тему это не исчерпывает. Важно и их экономическое, точнее торговое значение. В литературе уже отмечалось их расположение на самых ответственных участках «западно-двинской магистрали», в частности, близость к

¹ Естественно, *идеология* крестовых походов не стояла на месте и со временем менялась [см.: Туерман, 2011, р. 23–44].

² Петербургский историк Кейслер жил в Остзейском крае, но не понимаю, почему Е. Л. Назарова называет профессора нашего (Петербургского) университета, а затем парижского обитателя Михаила Таубе – «остзейским историком». Может, потому что он барон? Русскими считал эти города уж точно немецкий историк Манфред Хеллманн [см.: Hellmann, 1954, S. 61–62].

³ Уже в СССР латышские историки старались увидеть в Ерсике латгальское «государственное образование» [см.: Аунс, 1982, с. 47–56]. Естественно, что после распада СССР эти взгляды у тех же ученых только окрепли [см.: Аунс, 1998, р. 259]. Впрочем, были весьма серьезные исключения. Так, известный историк Я. Зутис не считал Ерсике и Кокнесе латгальскими государственными образованиями, а видел в них русские опорные пункты [см.: Назарова, 1995, с. 186].

порогам, которые всегда играли ключевую роль в древней торговле [Булкин, 1988, с. 129–133] (это положение было столь важным, что Герцике сохранял свое значение еще четыре столетия [Balodis, 1940]). Естественно, надо учитывать динамику развития торговых отношений в конце XII–XIII вв. по сравнению с древним путем «из варяг в греки» [Radiņš, 1998, p. 178–191]. О выгодности положения говорит факт богатой истории того же Кукенойса и в последующие века [Генрих Латвийский, 1938, с. 488].

Но, если вернуться к теме национальной принадлежности этих районов, то замечаем, что некоторых исследователей смущает наличие большого массива местного населения, не такое уж яркое отражение древнерусского влияния в археологическом материале. Однако это не дает основания отлучать Кукенойс и Герцике от русской истории, тем более что археологические материалы пока не очень репрезентативны и подвергаются различной трактовке (с археологической точки зрения см.: [Куза, 1989, с. 101; Штыхов, 1978, с. 59–62]). Уже давними раскопками А. Стубавса на городище Кокнесе обнаружены многочисленные предметы русского импорта, что свидетельствует о смешанном этническом составе населения. Можно вслед за Е.Л. Назаровой разбираться с принадлежностью предметов со знаками Рюриковичей, но ясно одно: археологические материалы подтверждают, что в «Кокнесе вместе с латгалами и селами жили русские» [Назарова, 1995, с. 187]. А нам большего-то и не надо! (По наблюдениям М. Таубе, изложенным в его уже отполированной временем работе, именно в Герцике и Кукенойсе обитало наибольшее количество русских [см.: Taube, 1935, S. 390]). Находки крестиков свидетельствуют о том, что именно отсюда на территории Латвии стало распространяться православие [Мугуревич, 1965, с. 68, 71].

Наличие большого количества русских доказывается и существованием нескольких церквей в том же Герцике: вряд ли такое количество церквей нужно было для окормливания местного сплошь еще языческого населения. Как тяжелейший удар именно по русским оценивает немецкий источник захват Кукенойса и Герцике [Пашуто, 2011, с. 474]. Но при этом даже весьма беспринципное немецкое руководство местной политикой, по мысли М. Таубе, не решилось обойтись легкомысленно с Герцике. Права русского князя Всеволода продолжали признаваться: «русскую» половину княжества они не решались прибрать к рукам вплоть до 1225 г., а затем передали его в лен наследникам [Taube, 1935, S. 420]. Что-то подобное М. Таубе видел и в судьбе Кукенойса и его князя Вячко.

Сведения «языка земли» — топонимики — здесь также не очень однозначны. Кто-то производит названия этих населенных пунктов из балтийских языков, кто-то даже из финских. Вполне симпатична и варяжская традиция, например связь «Герцике» и «Гардарики» [Johansen, 1930, J. 10]. Такое объяснение ранее предлагалось А.Н. Веселовским [см.: Генрих Латвийский, 1938, с. 476]. Может быть, речь идет об освоении варягами русского языка, о котором интересно рассуждает Ф.Б. Успенский [см.: Успенский, 2002, с. 319]. Но вот такой специалист-филолог, как И.Э. Клейнберг, считал, что в основе названия Герцике лежало русское «яр», тем более что

этот топоним не имеет корней ни в балтских, ни в финских языках [Клейненберг, 1972, с. 123–127]. Кстати, и эта версия не нова: в далеком 1886 г. в «Рижском вестнике» она была высказана И. Желтовым [см.: Генрих Латвийский, 1938, с. 478]. Я не филолог, но возражения Е.Л. Назаровой ярославскому знатоку филологии меня не убедили, хотя то, что это название происходит из финского языка (по Назаровой), тоже мало что меняет [Назарова, 1995, с. 191]. В конце концов, «чудь начудила, да мера намерила» (А.А. Блок) в названиях наших, но мы ведь все равно русские! В качестве примера приведу название русского Тмуторокана, которое происходит от тюркского «Тумен-Тархан» (хотя, как всегда, есть разные версии) [Кучкин, Чхаидзе, 2014, с. 815–816]. А уж «Куконос», который ласкает наш русский слух (пусть и с XVI в.) — на латинице и вовсе не смотрится.

Упор приходится сделать на письменные источники. К сожалению, наше все для нашей старины — основной массив летописей — до этого региона почти не добрался. В поле зрения, в основном, произведения немецких хронистов: хроника Германна фон Вартберге, Рифмованная хроника Дитлеба фон Альнпеке, особенно — «Хроника» Генриха Ливонского, а также многие акты XIII–XIV вв.¹ Правдивы ли они? Смотря какие сведения мы хотим из них получить. Историки по достоинству оценили слова Генриха о том, что верить можно только тому, что сам увидишь или услышишь от достоверного свидетеля [Kaljundi, Marek, 2022]. Но ведь увидеть/распознать можно только то, к чему подготовлен всей своей жизнью, воспитанием, образованием. Воспитанный в германских традициях Генрих не очень-то разбирался в русской жизни. Вот почему я уже давно стараюсь отстоять мысль о том, что надо крайне осторожно относиться ко всем «ленам» и прочим феодальным атрибутам, которые находят себе место в произведениях немецких хронистов [Дворниченко, 2002, с. 39–50]. (Теперь ведь точно установлено, что он — не получивший образование прибалтиец «Генрих Латвийский», а немец «Генрих Ливонский» [см.: Murray, 2013, р. 809–814 и др.].) Они просто приписывали их местному населению, счастливо пребывавшему в трайбалистском состоянии.

Нас сейчас, впрочем, больше интересует «этнографическая» составляющая его труда. Внимательное прочтение «Хроники» Генриха — произведения, с одной стороны правдивого, а с другой стороны весьма предвзятого, — показывает, что в этих городах жили русские. Во главе с русскими здесь жили латгаллы и селы, которым после ухода русских пришлось скрываться в темных лесных тущобах [Генрих Латвийский, 1938, с. 116]. Нет никаких оснований считать термин Rutheni обозначающим в широком смысле православных христиан [см.: Назарова, 1987, с. 205–206]². Эта проблема, кстати, непосредственно связана с восприятием Генрихом христианства. В исследованиях Пауля Йохансена, а затем Юри Кивимяэ показано, что концепция

¹ См.: примечания С.А. Аннинского [Генрих Латвийский, 1938, с. 471]. Полный перевод на русский язык был сделан уже в позапрошлом столетии: [Чешихин-Ветринский, 1876, с. 65–285]. Недавнее издание какое-то менее серьезное: [Генрих Латвийский, 1996]. Значительная часть хроники: [Матузова, Назарова, 2002].

² Эту мысль высказал еще латышский историк А. Швабе, но поддержали и другие, в том числе Е.Л. Назарова.

хрониста отнюдь не так элементарна, чтобы просто противопоставлять христиан и язычников¹. В его воображении возникало царство Божьей Матери, которое охватывало прежде всего немцев и крещеные местные племена (Terra Mariana). Генрих очень хорошо различал всех (и русских, и местных еще не крещеных балтов, и датчан), кто мог выступить в роли врагов вожделенного царства божьего на земле [Kivimäe, 2016, p. 220]. Можно согласиться и с тем, что значение религиозного момента в оценке «врагов» (русских, датчан, прибалтийских язычников) у Генриха не стоит преувеличивать, но мысль А. Селарта о том, что в первые десятилетия XIII в. Ливония и соседняя Русь были единой политической «культурой», в которой религиозные различия не были решающими – уж явное преувеличение [Selart, 2015, p. 183]. Будь оно так – и Ледового побоища не было бы! Но как бы там ни было, миссионеры – воины Христа – весьма неплохо ориентировались в своей деятельности «на земле» и отнюдь не путались в окрестном населении [Krötzel, 1999, p. 44–56; см. также: Selart, 2015, p. 68].

Термин Rutheni в контексте повествования имеет прямое отношение к русским – так же, как и другие этнические названия в «Хронике» обозначают определенные этносы. Может, образ русских и «сложный, и амбивалентный», но это образ именно русских [Kivimäe, 2011, p. 101; см. также: Brincken, 1973, S. 142–143]. Не случайно хронист использует и такие названия, как Rutheni de Plecekowe (Русские из Пскова) или Nogardenses, т.е. русские из Новгорода (Nogardia – латинская форма названия Новгорода). Куkenойс хронист прямо называет *русским* замком [Генрих Латвийский, 1938, с. 96]. Он четко различает язычников и русских [Генрих Латвийский, 1938, с. 216]. Когда тевтоны напали на Герцике, то «из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством», – это о русских повествует хронист [Генрих Латвийский, 1938, с. 126].

Плач русского князя в связи с утратой Герцике, конечно, заимствован из Библии, но это не мешает нам считать его свидетельством давней принадлежности² этих земель русским. Так же, как и передача земель Герцике (кстати, как подметил С.А. Аннинский, далеко не всех) в «лен» русскому князю не должна нас обманывать: это все обычаи тевтонские, но никак не русские. Русские в этих землях, по Генриху, не теряют связи с «Руссией», т.е. русскими землями: Полоцкой, Псковской, Новгородской и др.³ Кстати, князья, их имена и генеалогия играют далеко не последнюю роль в понимании обсуждаемых явлений.

¹ Хроника Генриха – уникальный для истории Восточной Европы источник, многогранный, сложный и неисчерпаемый. Приятно сознавать, что, по общему признанию, одним из самых выдающихся знатоков и публикаторов этого источника является Леонид Леонидович Арбузов, сын русского медиевиста Леонида Александровича Арбузова.

² Князь причитал: «О Герцике, милый город! О наследие отцов моих! О неожиданная гибель моего народа...» [Генрих Латвийский, 1938, с. 126]. Как писал еще С.А. Аннинский, власть Полоцка в балтийском регионе была давней и прочной, постоянной и «оседлой», единственным до немцев центром «государственной» организации [Генрих Латвийский, 1938, с. 455, прим. 3].

³ Генрих, говоря о «Руссии», мыслит вполне в унисон с традицией, которая и дальше будет прослеживаться в сочинениях западных авторов, в том числе и в травелогах [см.: Дворниченко, 2021, с. 380–396].

О том, кто эти князья, в науке давно идут споры. Русскими они были или нерусскими? По мысли Е.Л. Назаровой, это Висвалдис и Ветсеке (а не Всеволод и Вячко), и русскими их Генрих не называет (и, соответственно, русскими не считает) [Назарова, 1995, с. 182]¹. Мне кажется, что это некое завышенное требование к источнику: из текста близость этих князей к русским ясна. Вот почему многие серьезные исследователи считали их русскими, а М. Таубе – обрусевшими варягами [Taube, 1935, S. 433, 446]. Вячко – князь Кукенойса упоминается и в наших летописях². У нас любили иностранцев называть русскими именами, но будет это гораздо позже...

Всеволод, по мысли И.Я. Фроянова, княжил «на правах представителя Полоцка и вассала полоцких князей» [Фроянов, 2015, с. 890]. Представитель – да, а вот с феодальной терминологией не соглашусь – не входила она в плоть и кровь русского человека. Так же, как и не соглашусь с утверждением, что Всеволод был язычником. То, что разум князей, как и всего населения Киевской Руси, был пронизан язычеством – очевидно [Комарович, 1960, с. 84–104]. Но вывод о язычестве Всеволода был сделан ученым на основании фразы Генриха о том, что князь «всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян». Да еще родство с Даугеруте – могущественным литовским вождем. Мне кажется, этого недостаточно. Князь мог сильно досадить «роду латинян» – так, что они его вынесли за скобки. Что же касается родства, то русские князья не раз роднились, например, с половцами, но не становились от этого язычниками.

Дополнительный свет на этих загадочных князей может пролить известный отрывок из полоцкой летописи³, которая была в руках В.Н. Татищева, а до того принадлежала Еропкину, казненному в 1740 г. В этом отрывке «отражены не только внутривнутриполитические явления и события, имевшие место в Полоцкой земле той поры, но и внешние отношения с иноязычными племенами, жившими по соседству, балтами» [Фроянов, 2015, с. 882]. Стоит напомнить, что этот отрывок ярко рисует демократический строй Полоцка (в городе действует вече, которое решает судьбы князей), повествует о полоцких князьях: Борисе Давидовиче и его сыновьях – Василько и Вячко. Из-за козней мачехи Святохны князья отправляются в «Двинскую область», а также гибнут виднейшие общинные «чиновники»: тысяцкий, посадник, ключник. В конце концов справедливость восторжествовала: сторонников Святохны народ после веча побил, а по князя Василько послали [Татищев, 1995, с. 201–204].

¹ Не понял, почему название русских в Ерсике в хронике Г. Вартберге «схизматиками» противоречит тому, что князья были русские [Назарова, 1995, с. 189–190]. Это в устах тевтонов и было одним из названий русских. *Vissivaldr* – скандинавская форма от Всеволода [см.: Успенский, 2002, с. 32].

² Тонко чувствующий и источники, и исторический контекст И.Я. Фроянов считал его сыном полоцкого князя Владимира [см.: Фроянов, 2015, с. 888].

³ Обычно в исторической литературе этот отрывок называют «Повесть о Святохне», хотя сам Татищев назвал его «Полоцкое злоключение» [см.: Татищев, 1995, с. 201].

Вокруг этой летописи споры идут уже третье столетие [Дворниченко, 2013, с. 72]¹. Кто-то сомневается в аутентичности этого отрывка, а кто-то верит нашему «первому» историку. В последние годы в защиту этой информации Татищева выступил петербургский историк А.В. Майоров [Майоров, 2005; Майоров, 2006]. Собственно, когда-то Е.Л. Назарова призвала обратить внимание на то, каким образом легенда о Святохне связана с другими сообщениями Татищева [Назарова, 1995, с. 187]. Майоров и постарался решить эту проблему. Он убедительно показал, что нет оснований сомневаться в известиях «полоцкой летописи», поскольку наиболее сомнительные известия («конституционный проект» Романа Мстиславича 1203 г.) к данной «летописи» не относятся. Колебания «последнего летописца» в именах владельцев (то Еропкин, то Хрущев) могут быть объяснены из пояснений, данных им самим [Майоров, 2006, с. 342].

Продолжая рассуждения Майорова, хочется возразить Назаровой вот в чем. Исследовательница благородно и правильно заступилась за Татищева перед Карамзиным, когда речь зашла о тексте, посвященном взятию Юрьева. Еще один «первый историк» (это, вообще-то, о нем так Пушкин говорил) посчитал, что Татищев «вымыслил» свой рассказ, и наша современница исправила эту несправедливость. Однако Е.Л. Назарова напрасно относит данный рассказ к полоцкому летописанию, что, кстати, и вызывает ее дальнейшие и вполне убедительные сомнения в данном тексте [Назарова, 1995, с. 188]. И дело не в том, что Татищев пользовался такими поздними хрониками, как работы Х. Келха или Б. Руссова, а в том, что нет оснований относить отрывок о взятии Юрьева к полоцкому летописанию. Тогда все становится на свои места. А ведь Юрьев на самом деле и был в сфере интересов не полоцкой, а новгородской и псковской волостей! И тут надо ставить вопрос не о полоцком, а о новгородском (может, псковском) летописании, как источниках Татищева. Впрочем, этот сюжет выходит за рамки нашей статьи.

А.В. Майоров проанализировал некоторые термины, которые встречаются в легенде, убедительно показав их аутентичность [Майоров, 2005]. Но я добавил бы тут сугубо общее соображение. В свое время я без всякого сомнения использовал «Повесть о Святохне» для характеристики вечевого строя в Полоцке [Дворниченко, 2013, с. 66]. Можно и теперь со всей ответственностью заявить, что Татищев, согласно со своими общими воззрениями [Дворниченко, 2017, с. 28–29], не стал бы придумывать подобные яркие проявления демократизма². В общем, информацию Татищева можно использовать...³

¹ Новые поколения исследователей присоединяются к одной из версий. Так, новейший эстонский историк А. Селарт не верит Татищеву [Selart, 2015, p. 70].

² Полагаю, что эта сермяжная мысль перекрывает версию «несколько дилетантской» статьи (С.А. Аннинский) Н.П. Лыжина о том, что Татищев сочинил этот рассказ, чтобы показать борьбу немецкой партии и партии Волынского при дворе в «осьмнадцатом» нашем веке [см.: Лыжин, 1858, с. 49–64].

³ Конечно, не так смело, как это сделал М. Таубе, произведший на свет Wane и Vesike – сыновей Владимира Ярославича Галицкого [см.: Taube, 1935, S. 416–446, 455, 491–492; Taube, 1940, S. 140–141].

Но вернемся к самим этим русским городам. Из источников мы видим, что они специализировались на торговле и на сборе дани с окрестного неславянского населения¹. Наверное, занимались они и другими привычными для русского человека занятиями, в частности земледелием. Да и вообще жили, как на «материке»². В этой деятельности им приходилось строить непростые отношения и с местным населением, и с воинственными литовцами, и с Орденом, и с Ригой. Русские летописи сообщают крайне мало известий о столкновениях русских на латвийских территориях, по сравнению с эстонскими. А Селарт такое отсутствие сообщений о столкновениях латгаллов с русскими объясняет только утратой полоцкого летописания [Selart, 2015, p. 65]. Но ведь это население могли и удовлетворять отношения с русью, которая брала посильную дань, но зато и помогала в борьбе с более опасными соседями. Очень интересен вопрос, в каких отношениях этот русский эксклав находился с Полоцком? Выдающийся знаток истории Верхнего Поднепровья и Подвинья Л.В. Алексеев противопоставлял их друг другу, считал, что полоцкий князь не поддерживал Кукенойс и Герцике [Алексеев, 1966, с. 285]³. Думаю, что все было с точностью до наоборот.

Для лучшего понимания этого вопроса надо вспомнить о том, что Полоцк был типичным для Руси городом-государством, оформившимся даже раньше других. Последним по времени к характеристике полоцкой политики обращался А.В. Рукавишников [Рукавишников, 1999; Рукавишников, 2000; Рукавишников, 2002]. Мысль старших товарищей (Б.Н. Флоры⁴, И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко) о выдающейся роли веча в Полоцке ему, судя по всему, не нравится. Однако собственная его картина политического строя Полоцка выглядит явно недорисованной: «...тип государства с практически сложившимися чертами олигархического правления и слабо выраженными элементами княжеской власти. Накануне литовского завоевания это была в чистом виде “боярская республика”» [Рукавишников, 1999, с. 122]. Непонятно, как историк совмещает такую «республику» с высшим органом управления — народным вечем и «недоразвитой» княжеской властью? Стоит напомнить, что управление в Древней Руси было своего рода симфонией, где свою партию играли и всенародное вече, и князь, и его дружина [Дворниченко, 2010, с. 154–159]. Да и поздние летописи надо использовать крайне осторожно,

¹ В 1212 г. основным объектом переговоров между королем Герцике и епископом было плавание купцов по Двине [Генрих Латвийский, 1938, с. 152]. Города «аккумулировали дань, собираемую с этих племен, чтобы затем переплавлять ее в старший город Полоцк» [Фроянов, 2015, с. 888].

² Как не удивиться, например, завалинке, найденной возле одной из жилых построек в Кукенойсе — на территории Латвии такого больше не найдено нигде! [см.: Штыхов, 1978, с. 60].

³ Владимир «почему-то не поддержал своих западных вассалов..., князья-вассалы жили с Полоцком далеко не мирно» [см.: Алексеев, 2006, с. 20]. Эту идею Алексеева поддержали латвийские историки [см.: Auns, 1985, с. 17]. На их стороне и эстонский историк: [Selart, 2015, p. 67].

⁴ Б.Н. Флоря дал анализ политического устройства Полоцка, который близок к нашему его восприятию. Только не могу согласиться, что полочане выступили в качестве самостоятельной политической силы лишь в 20-е гг. XII в. [Флоря, 1995, с. 114]. Ранее такую точку зрения высказывали М.Н. Тихомиров и Л.В. Алексеев. Полагаю, что процесс вызревания полоцкой демократии начался гораздо раньше.

постоянно соотнося их с более близкими по времени источниками. Имею в виду пресловутый «совет 30 мужей» в поздней летописи...

«Королем» полоцким был Владимир (Woldemaro de Ploceke), которому ливы-язычники платили дань, и именно с ним вынужден был устанавливать отношения прибывший сюда «человек достопочтенной жизни» Мейнард [Генрих Латвийский, 1938, с. 71 (259)]¹. Все пошло неплохо: он получил позволение и даже дары от Владимира². Кто этот полоцкий «король» Владимир? Фигура его до сих пор остается загадочной (по определению Е.Л. Назаровой) [Матузова, Назарова, 2002, с. 59]³. Один из недавних авторов считает этого князя Владимиром Володаревичем – братом Василько Володаревича [Пятнов, 2010, с. 143]⁴. Некоторые его доводы неубедительны – например, попытка связать личность Владимира с братом Софии – жены датского короля Вальдемара I (1157–1182)⁵. Но все равно она предпочтительнее, чем версия другого историка, уже упомянутого А.В. Рукавишникова, который вообще отказывается видеть княжескую власть в Полоцке. Дело в том, что древнерусские политии не могли существовать без княжеской власти, о чем только что было сказано.

Полоцкий князь быстро понял, «who is who» и кто наиболее опасен: Владимир становится наиболее сильным звеном в борьбе с орденом. Князь, опираясь, видимо, на Полоцкую волостную общину⁶, заключает договоры с Ригой (1210, 1212)⁷. Он рассматривает жалобы ливских послов на притеснения тевтонов, а затем вместе с ними осаждает крепость. В 1203 г., как уже отмечалось, король полоцкий осадил замок Икесколу, а потом Гольм, а король Герцике вместе с литовцами нанес урон предместьям Риги [Генрих Латвийский, 1938, с. 85]. На такие слаженные действия стоит обратить пристальное внимание: значит, земли действовали в унисон.

¹ Все «короли» Генриха интересны для нас только как его попытка разобраться в ситуации. Русских князей он везде именует «reges», только Вячко из особого уважения – «regulus», а полоцкого князя – «magus rex», т.е. выше королей Дании, Швеции, Германии. Местные вожди ливов, эстов и прочих доросли только до «senior» [см.: Генрих Латвийский, 1938, с. 455, прим. 3].

² Мысль о том, что русская власть в Ливонии признавалась «Европой», звучит несколько модернистски, но суть схвачена верно [см.: Назарова, 1986, с. 178].

³ Исследовательница справедливо считает, что князь мог сидеть так долго, но потом почему-то пугается этой мысли и начинает придумывать еще одного князя, которого можно уложить в этот временной промежуток. Но мог же его предшественник Всеслав быть князем лет 55...

⁴ По мнению И.Я. Фроянова, это Владимир Всеславич [см.: Фроянов, 2015, с. 885 и след.].

⁵ Вся концепция строится на дружеском отношении полоцкого князя к Мейнарду. Почему русский князь не мог просто симпатизировать немцу? Нельзя же видеть в истории только борьбу разных сил и «лагерей». Историю творили живые люди.

⁶ К сожалению, эти договоры до нас не дошли, но по аналогии с дошедшими до нас смоленскими мы можем предположить, что и они были составлены так, чтобы и «князю любо было и всем Смолнянам/Полочанам», т.е. всей волостной общине [см.: Дворниченко, 2013, с. 62].

⁷ Ливонские источники в этот же момент сообщают и о союзе с литовцами [Paszkievicz, 1930, s. 20, no. 102].

Владимир активно участвует в жизни этих «окраин». В 1206 г. ливы обратились к нему за помощью (может, звучал и голос русских городов нижнего Подвинья). Владимир собрал войско со всех концов своего королевства, а также «от соседних королей своих друзей и спустился вниз по Двине» [Генрих Латвийский, 1938, с. 102]¹. Ясно, что князь собрал волостное ополчение Полоцкой земли, которое одно и могло претендовать на успех в такой операции. В 1210 г. он заключает мир с рижанами. Основным условием было продолжение выплаты ливской дани самими племенами или рижским епископом [Генрих Латвийский, 1938, с. 136]. Это говорит о важности дани, а значит, и городов, которые также были связаны с данью.

Мир миром, а уже в 1212 г. король назначает встречу епископу у Герцике, чтобы дать ответ о ливах – бывших данниках короля [Генрих Латвийский, 1938, с. 152]. Л.В. Алексеев, настаивая на вражде между «королем полоцким» и его «вассалами», придавал большое значение пассажу Генриха о том, что «враг христианского рода» Всеволод из Герцике часто предводительствовал войсками литовцев, «облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию» [Генрих Латвийский, 1938, с. 128]. Здесь ученый увидел антиполоцкую политику Всеволода. Ситуацию, на мой взгляд, более верно толкует И.Я. Фроянов, который писал: «Под Руссией в данном случае следует, конечно, понимать не Полоцкую землю, а соседние города-государства Новгород и Смоленск, порою враждовавшие с Полоцком» [Фроянов, 2015, с. 890]. Древнерусские города-государства постоянно боролись между собой, а литва в этот период, подобно половцам и другим племенам, нередко служила вспомогательным орудием в этой борьбе – естественно, имея и свой интерес.

Единство действий заметно и в другой ситуации. Вячко сначала решил (повидимому, не без ведома отца и полоцкой вечевой общины [Фроянов, 2015, с. 888]), заключить мир с немцами. Потом он посылает полоцкому князю богатые дары из награбленного у тевтонов – мир-то не удался [Генрих Латвийский, 1938, с. 115]². Узнав о предложении Вячко напасть на Ригу, Владимир собирает (*convocat*) «*omnes suos amicos et viros regni sui*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 302]. Эти «*viri*» – прямая калька с русских «мужей», которые означали всю массу свободного населения [Дворниченко, 2013, с. 107–108]. В другом месте Владимир предстает вместе с «*omni populo suo*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 342]. Это «весь народ», с которым князь «радушно вернулся в свой город» Полоцк, – конечно же, не все население обширной земли. Так Генрих пытался передать народный характер войска: другими словами, это было волостное ополчение. Полоцкий князь и впредь старается быть опорой русского дела и православия в регионе.

¹ Похоже, переводчик несколько даже преуменьшил масштабы собранного войска, ибо в оригинале сказано: «от соседних королей и своих друзей» [Генрих Латвийский, 1938, с. 289]. Наверное, имелись в виду отряды местного населения.

² Есть, правда, версия, что это не полоцкий князь, а псковский [Генрих Латвийский, 1938, с. 503, прим. 96], но она убеждает меньше, т.к. из текста следует, что речь идет именно о полоцком князе.

Итак, в источниках (наших летописях, Хронике Генриха, «Повести о Святохне») отразился образ Полоцка (который Генрих называет, между прочим, *civitas*) как центра земли, которому подчиняются и земли по Двине [Рукавишников, 1999, с. 122]¹. Можно с полным основанием утверждать, что Полоцкая земля и Кукенойс с Герцике – целостная социально-политическая система, части которой действуют в унисон. Естественно, что этим полоцким «колониям» приходилось вести и самостоятельную политику. В ней были и расхождения: если королю Герцике удавалось дружить с литовцами – он был женат на дочери могущественного литовского вождя, – то Вячко это согласие с воинственными племенами так в руки и не далось. В 1207 г. Вячко передал половину земли взамен за помощь в борьбе с литовцами. Речь, конечно, идет о передаче части доходов с этих территорий [Генрих Латвийский, 1938, с. 107–108].

В борьбу попытался вмешаться полоцкий Владимир, но сил явно не хватало, тем более что в этот момент и ливы оказались на стороне рыцарей. Пришлось русским поджечь замок и уйти из Кукенойса, причем мы не знаем, куда пошли все («побежали каждый своей дорогой»), а князь точно ушел в Руссию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое «королевство» [Генрих Латвийский, 1938, с. 114–116]. По словам Генриха, рыцари не могли простить Вячко того, что он хитростью избил тех рыцарей, которые были посланы в помощь ему против литовцев. Описывая занятие горы Кукенойс рыцарями, Генрих не преминул вложить в уста епископа предупреждение против хитростей литовских или коварства русских. Кукенойс становится базой для походов на литовцев: сюда вернулись летты из похода на Литву [Генрих Латвийский, 1938, с. 123].

Л.В. Алексеев свидетельствует о плохих отношениях Вячко с полоцким князем видит и в том, что этот русский герой оказался во главе эстов в городе Юрьеве, куда он был посажен новгородцами [Алексеев, 2006, с. 285]. Ситуация была не столь однозначна: внимательное прочтение «Хроники» показывает, что там собралась целая вольница (и, видимо, не только эстонская): «собрались в том замок (Юрьев) к королю все злодеи из соседних областей и Саккала, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской». Ну, в общем, порядочные все люди... У короля было множество его русских лучников. А замок с прилегающими землями ему дали новгородцы и русские короли (*Nogardenses et reges Ruthenorum*) [Генрих Латвийский, 1938, с. 429] и при этом «обещали его избавить от нападений тевтонов» [Генрих Латвийский, 1938, с. 236].

Дальше мы узнаем у Генриха, кто были эти русские *короли*. Кстати, в Новгородской первой летописи сказано очень скупо об этих событиях: «убиша Немце князя Вячка в Юрьеве, а город взяша» [ПСРЛ, 2000, с. 264]. Среди русских, да и мужчин вообще,

¹ Стоит обратить внимание на этот термин, который своими корнями уходил в античность, но продолжал жить и в выросшей на континуитете с античностью, Западной Европе, да и во многих других регионах Земли. Понятие включало в себя элементы урбанизма и общинности, являясь «безгосударственной политической формой полисного типа» [Коротаев, Крадин, Лынша, 2000, с. 45]. Очень важно, что этот термин применялся и в славянском мире [см.: Державин, б/г, с. 115].

в городе остался только один – вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам [Генрих Латвийский, 1938, с. 240]. Перед нами целый план: с опорой на формирующуюся русско-эстонскую волость, вполне напоминающую то, что было в Кукенойсе и Герцике, нанести удар по тевтонам. Судя по ее масштабности и по общему контексту, и полоцкие князья могли быть в курсе дела. К сожалению, операция провалилась. Интересно, что сначала прошел слух, что «русские идут», но он оказался лишь слухом. Когда же новгородцы с многочисленным войском пошли и были уже у Пскова, то время было упущено.

Тем временем пришла пора и Герцике, хотя история его не ясна. Уже в 1209 г. он получил свою землю в лен от епископа. Но связь с Полоцком он не порывал, как считает И.Я. Фроянов, а весь этот «лен» с его стороны был уловкой [Фроянов, 2015, с. 891]. Полагаю, что для русского князя все эти «лены» вообще были пустым звуком – он и не выполнял никакие обязанности ленника и продолжал сотрудничать с литовцами [Генрих Латвийский, 1938, с. 164]. Кстати, получая этот «лен» от тевтонов, князь обязался открывать «злые замыслы русских и литовцев» [Генрих Латвийский, 1938, с. 27]¹. Это говорит о его связях не только с литовцами, но и с полоцкой «метрополией». В 1214 г. город был захвачен рыцарями, но тут на помощь пришли те самые литовцы [Генрих Латвийский, 1938, с. 168]. Некоторые историки предполагают, что к 1225 г. город был уже в руках тевтонов [Фроянов, 2015, с. 892]. Однако этому противоречит то, что в этом году Всеволод является к папскому легату и упоминается как «король Герцике» [Генрих Латвийский, 1938, с. 538].

В условиях отступления русской власти в Прибалтике полоцкий князь делает свою политику еще более гибкой. Тут у него появляется еще один союзник, к тому же еще и тезка – Владимир, который был псковским вечем изгнан из города, – по мнению Генриха, за то, что отдал свою дочь замуж за брата рижского епископа [Генрих Латвийский, 1938, с. 151] (скорее, князь был виноват в неудачной внешней политике). Генрих тут же сообщает, что он пошел к полоцкому королю, но «мало нашел у него утешения». Историки обычно ему верят [Selart, 2015, p. 119]. Полагаю, что нет оснований полностью доверять хронисту. Можно предположить, что полоцкий Владимир решил использовать своего княжеского собрата из Пскова в целях сохранения своего контроля в этих землях. Не случайно он именно в этот момент отправляется на свидание в Герцике с епископом, чтобы договариваться о данниках. И псковский Владимир сыграл в этих переговорах выдающуюся роль.

В ближайшие годы псковский князь осуществляет на этих территориях свой суд. С этим судом была целая эпопея. Владимир судил лэттов и рыцарей, причем

¹ Он «продолжал участвовать в замыслах литовцев, забыв об обещанной верности, и не раз подстрекал язычников против тевтонов, бывших в Кукенойсе». Хронист, ненавидя и русских, и литовцев, дает явно какую-то деформированную картину: с одной стороны, постоянно говорит о союзе русских и литовцев, а с другой – о бегстве от литовцев русских (вместе с прибалтами) «по лесам и деревьям».

решения выносились отнюдь не в пользу тевтонов. Во всяком случае, решения были не по душе не только рыцарям, но и «епископу рацебургскому и всем прочим» [Генрих Латвийский, 1938, с. 160]. Под нажимом епископа и иже с ним князь должен был уйти в Руссию. Куда он ушел? Явно не в Псков, где его еще не ждали. Думаю, что без поддержки полоцкого «короля» вряд ли бы он вернулся следующей зимой вместе с женой, сыновьями и всей дружиной в Ливонию, где «приняли его лэтты и идумей». Судя по тому, что сообщает Генрих Ливонский, князь то возвращал его (пользуясь даже родственными связями) [Генрих Латвийский, 1938, с. 161–162], то терял его и уходил в Руссию, потом снова возвращался и «собирал с области, что ему необходимо» [Генрих Латвийский, 1938, с. 162].

Суд этот, видимо, уходил корнями в давние времена, а в начале XIII в. казался уже анахронизмом, ливонским рыцарям уж точно. Они сетовали на то, что «накопил Владимир... вещей и денег, будучи судьей в гражданских делах». Его даже обвинили в притеснении бедных, что князьям не было свойственно – вспомним Владимира Мономаха с его поучением. Впрочем, дальнейший текст помогает понять, в чем дело. «Не должен отнимать имущества и смущать наших новообращенных, толкая их на большие уклонения от веры христовой», – призывает священник Алебранд. Эти «уклонения» многое разъясняют. Похоже, князь – один из первых борцов с латинством, поскольку обижал он именно католиков [Генрих Латвийский, 1938, с. 163]¹.

И полоцкий князь был верен своему долгу до конца. В 1216 г. уже эсты обратились за помощью к нему, и замысел ему понравился, поскольку он всегда стремился разорить ливонскую церковь. Он созвал большое войско из русских и литовцев, но когда собирался взойти на корабль, то «вдруг упал бездыханным и умер внезапной и нежданной смертью» [Генрих Латвийский, 1938, с. 179]². Не тогдашние ли западные «партнеры» постарались? Как бы там ни было, одно из солнц Русской земли, о котором мы знаем досадно мало, закатилось. А хронист теперь мог записать, что после смерти полоцкого Владимира «появился новый противник ливонской церкви» – Владимир псковский [Генрих Латвийский, 1938, с. 181]. Впрочем, полоцкий «король», пришедший на смену прежнему, продолжал участвовать в делах двинских земель: он и его волость явно были среди «городов Руссии», собравших войско против ливонцев, а вскоре он вместе с «королем смоленским» и некоторыми другими русскими королями отправляет послов в Ригу и заключает договор с ливонцами [Генрих Латвийский, 1938, с. 218, 223]³.

Итак, что представляли собой эти социальные организмы: Куkenойс и Герцике? Это именно города (*urbs*), а не только замок (*castrum*), причем города богатые, особенно Герцике. К городам «тянет» весьма обширная территория [Генрих Латвийский,

¹ Это подтверждается и тем, что князь пытался убедить епископа Альберта отказаться от крещения ливов.

² Хронист объясняет эту смерть заступничеством девы Марии, которая благоволила к братьям-рыцарям [Генрих Латвийский, 1938, с. 216].

³ Интересно, что и тут понятие «*civitas*»: «*de aliis civitatibus Ruscie*» [Генрих Латвийский, 1938, с. 411].

1938, с. 471–472, прим. 37]. Это и понятно: древнерусский город был немислим без волости. Хотя, видимо, до *civitas* они еще не дозрели. К такой категории, по Генриху, как мы видели, относится только Полоцкая волость.

Кукенойс и Герцике, видимо, первоначально были далекими факториями, форпостами Полоцка в Подвинье. Однако здесь формировались свои общины и свои волости. Когда Василько и Вячко пришли на Двину, то «с радостию были приняты» [Татищев, 1995, с. 201]. Кем они были приняты? Конечно же, местной общинной средой, как это было и в других землях Руси, а что она могла быть многонациональной – так это у нас всегда! Появление «своей» княжеской власти в городах – один из симптомов формирования местной волостной среды. Процесс формирования волостей шел в основном за счет распространения даней на окрестные племена. Глубокий знаток Полоцкой земли В.Е. Данилевич считал, что городам подчинялась только ближайшая округа, а «туземцы» подчинялись непосредственно полоцкому князю [Данилевич, 1896, с. 113]. Полагаю, что это были типичные древнерусские волости, ведь сам В.Е. Данилевич подметил, что, согласно Генриху, дань с них собирают местные князья [Данилевич, 1896, с. 113].

Яркая картина нарисована у Генриха в связи с приходом Вячко в Юрьев. Он был направлен сюда новгородцами и радостно принят, а с окружающих областей собирал дань (*tribute*) [Генрих Латвийский, 1938, с. 233 (427)]. Можно ли эти социальные организмы как-то подтягивать к «государственным образованиям» местных племен? На это нет никаких оснований – до такой стадии социально-политического развития это население еще не дошло¹. Когда из Кукенойса были выбиты русские, то на смену им пришли немцы: из части русского города-государства получился тевтонский замок, где жили лэтты во главе «братьями-рыцарями» [Генрих Латвийский, 1938, с. 198].

Многое может прояснить материал по Тмутороканю. Многолетнее изучение материалов, связанных с историей Тмутороканя и Дербента, привело известного кавказоведа А.В. Гадло² к выводу, что здесь сформировалась волость, вполне напоминающая древнерусские города-государства. Это была община, переросшая рамки античного полиса, которая в своем развитии неуклонно шла от первобытной структуры социальных и экономических отношений к классовой структуре [Гадло, 1994, с. 128]³. Преобладание неславянского элемента исследователя отнюдь не смущало: в рамках Тмутороканя во взаимодействии (противодействии) с русскими, хазарами, печенегами шли сложные процессы этно- и политогенеза кавказских народов, прежде всего адыгов.

¹ Е.Л. Назарова явно торопит события, когда пишет о том, что «в XII в. на территории Латвии социально-политическое развитие местных народов вплотную подошло к созданию государства» [Назарова, 1995, с. 182]. Стоит ли напоминать, что государство в Латвии возникло в 1918 г.? Видимо, надо отказаться и от некоей «феодальной формации», которая началась якобы у ливов со второй половины X в. [Назарова, 1986, с. 178].

² См. о нем: [Дворниченко, 2004].

³ Полагаю, что с этой «классовой структурой» торопиться не стоит: классы возникают уже за пределами Киевской Руси.

Многонациональная городская община была заинтересована в адыгской дани, совладельцем которой она прямо или косвенно становилась [Гадло, 2004, с. 260]. Действительно, подобные политии могли возникать по границам восточнославянской ойкумены. Кстати, и политика этих «колоний» явно напоминает тмутораканскую. В свое время князь Мстислав, опираясь на эту область, начал борьбу за Киев. Касательно Герцике видим похожее – как уже было отмечено, когда епископ передавал Герцике в «лен» местному русскому князю, то требовал (конечно же, лицемерно), чтобы он перестал «с литовцами разорять землю русских христиан» [Генрих Латвийский, 1938, с. 127]. Значит, потенциал этих земель использовался и в междоусобной борьбе. Но одновременно это были форпосты русской цивилизации. После падения Кукенойса и Герцике пальма первенства в отношениях с землями Прибалтики перешла к Пскову и Новгороду – и тут было много славных событий, но это уже другая тема.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М.: Наука, 2006. Кн. 2. 167 с.

Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. Очерки истории северной Белоруссии. М.: Наука, 1966. 295 с.

Артамонов Ю.А. Нестор // *Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия.* Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 991 с.

Аунс М.О. Политическая структура древней Латгалии XII–начала XIII века // *Известия АН Латвийской ССР.* 1982. № 9 (422). С. 47–56.

Аунс М.О. Социально-экономическая и политическая структура древней Латгалии XII–XIII вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: (07.00.02). Рига, 1985. 24 с.

Булкин В.А. Герцике и Кукенойс (к постановке проблемы) // *Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории городов.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 129–133.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IX–XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 236 с.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 358 с.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // *Славянские хроники. Походы, битвы, знать Древней Руси до 1240 года.* Сост. А.И. Цепков. СПб.: Глагол, 1996. С. 196–321.

Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.

Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1896. 288 с.

Дворниченко А.Ю. Александр Вильямович Гадло (1937–2002) – исследователь древностей Крыма и Кавказа // *Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 3–20.

Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.

Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Весь Мир, 2013. 232 с.

Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2017. 560 с.

Дворниченко А.Ю. «Литва» и «Русии» в отражении травелогов: от Карпини до Герберштейна // *Научный диалог.* 2021. № 3. С. 380–396.

Дворниченко А.Ю. Литовско-русская государственность: историографические и источниковедческие заметки // *Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право.* 2002. № 1. С. 39–50.

Дворниченко А.Ю. Ускользящая реальность. Литовско-Русское государство в зеркале исторического сознания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 768 с.

Державин Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.: Изд-во Академии Наук, б/г. 215 с.

Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст. СПб., 1900. 132 с.

Кибинь А.С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М.: Квадрига, 2014. 272 с.

Клейненберг И.Э. О топониме «Gersike» в источниках XIII в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л.: Наука, 1972. Вып. IV. С. 123–127.

Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // *Труды отдела древнерусской литературы.* 1960. Т. 16. С. 84–104.

Кортаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации.* М.: Логос, 2000. С. 24–83.

Котляр М. Русь, Литва і Земля ятвягів у ранньому середньовіччі // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. Т. III.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977. 406 с.

Кучкин В.А., Чхаидзе В.Н. Тмуторокань // *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия.* М.: Ладомир, 2014. С. 815–816.

Лыжин Н.П. Два памфлета времен Анны Иоановны // *Известия Академии Наук по Отд. Русского языка и словесности.* 1858. Т. VII. С. 49–64.

- Майоров А.В. Из истории белорусского летописания: полоцкая летопись В.Н. Татищева // *Вестник ПГУ*. 2005. № 1. С. 1–19.
- Майоров А.В. Прусский вопрос во внешней политике Даниила Галицкого // *Rossica Antiqua*. 2011. № 2. С. 102–119.
- Майоров А.В. О Полоцкой летописи В.Н. Татищева // *Труды Отдела Древнерусской Литературы*. Т. 57. СПб., 2006. С. 321–343.
- Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII–1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 450 с.
- Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- Мугуревич Э.М., Стубавс А.Я. Экономические связи населения низовьев Даугавы с Русью в период раннего феодализма (X–XII вв.) // *Тезисы докладов и сообщений конференции по истории экономических связей Прибалтики с Россией*. Рига, 1966. С. 3–6.
- Назарова Е.Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XIII вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год*. М.: Наука, 1986. С. 177–184.
- Назарова Е.Л. Православие и социальная структура общества в Латвии (IX–XIII вв.) // *Феодализм в России*. М.: Наука, 1987. С. 201–211.
- Назарова Е.Л. Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсике и Кокнесе // *Древнейшие государства Восточной Европы, 1992–1993*. М.: Наука, 1995. С. 182–196.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Наука, 1954. 262 с.
- Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 536 с.
- Пашуто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // *Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 102–108.
- Пашуто В.Т. Страны Прибалтийского региона // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма*. М.: Наука, 1972. С. 252–302.
- Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 томах: Т. 1. М.: Издание фирмы «СОТРУДНИК ШКОЛ», 1909. 512 с.
- Повесть временных лет. Под ред. В.И. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.
- ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. М.: Наука, 1995. 179 с.

- Пятнов А.П. Полоцкая земля в последней четверти XII века // *Rossica Antiqua*. 2010. № 1. С. 128–143.
- Рукавишников А.П. Об организации власти в Полоцке в конце XII–середине XIII века // *Вопросы истории*. 1999. № 3. С. 116–123.
- Рукавишников А.П. Некоторые вопросы истории Полоцкой земли домонгольского периода // *Русское средневековье. 2000–2001*. М., 2002. С. 40–69.
- Рукавишников А.П. Общественный строй Полоцка в конце XII–первой половине XIII в. (По материалам «Хроники Польской» М. Стрыйковского) // *Сборник Русского исторического общества*. М., 2000. Т. 2 (150). С. 268–274.
- Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Тома II и III. История Российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. 696 с.
- Темушев С.Н. Налоги и дань в Древней Руси. М.: Квадрига, 2021. 375 с.
- Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
- Флоря Б.Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // *Отечественная история*. 1995. № 5. С. 110–116.
- Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
- Фроянов И.Я. Рабство и данничество в Древней Руси. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 512 с.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 269 с.
- Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история (Работы разных лет). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. 591 с.
- Чешихин-Ветринский Е.В. Хроника Ливонии Генриха Латвийского // *Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 1. Рига, 1876. С. 65–285.
- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 687 с.
- Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
- Щапов Я.Н. Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X–XII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*, 1985. М.: Наука, 1986. С. 58–62.
- Auns M. Acquisition of the Acquired. The Establishing of a Real Administration in Livonia // *Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area 1100–1400 AD*. Ed. Nils Blomkvist. Visby, 1998 (Acta Visbyensia. Vol. 11).
- Balodis F. *Jersika*. Riga: Pieminekļu valdes izdevums, 1940. S. 40–69.
- Brincken A.-D., von den. *Die «Nationes Christianorum Orientalium» im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts*. Cologne; Vienna, 1973. 552 s.

Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischen Boden im 13. Jahrhundert // *FOG*. Bd. 25. 1978. S. 124.

Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens*. Münster-Cologne, 1954. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. T. 1). 264 s.

Johansen P. *Über die deutschen Ortsnamen Estlands*. Reval, 1930. S. 10.

Kaljundi L., Tamm M. «Henry of Livonia». *Bloomsbury History Theory and Method*. London: Bloomsbury, 2022. *Bloomsbury History Theory and Method*. Web. 30 Nov. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365994369_Henry_of_Livonia (дата обращения – 20 июля 2023 г.).

Kivimäe J. Henricus the Etnographer: Reflections on Ethnicity in the Chronicle of Livonia // *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier. A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*. Ed. Tamm Marek, Linda Kaljundi, Carsten Selch Jensen. Burlington, VT: Ashgate Publishing. 2011. 484 p.

Kivimäe J. Servi Beatae Marie Virginis Christians and Pagans in Henry's Chronicle of Livonia. Ed. By Kirsi Salonen, Sari Katajala-Peltonaa // *Church and Belief in the Middle Ages*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016 (Vol. 3. Crossing Boundaries. *Turku Medieval and Early Modern Studies*). Pp. 201–226.

Kosman M. *Zmierch Perkuna czyli ostatni poganie nad Bałtykiem*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981. 388 s.

Krötzl C. Finnen, Liven, Russen. Zur päpstlichen Politik im nördlichen Ostseeraum im 12. und 13. Jahrhundert // *Ab Aquilone. Nordic Studie in Honour and Memory of Leonard E. Boyle*. Ed. by Marie-Louise Rodén, *Skrifter utgivna av Riksarkivet, 14. Suecoromana, Studia artis historiae Instituti Romani Regni Sueciae, 6*. Stockholm: Riksarkivet, 1999. Pp. 44–56.

Lindholm D., Nicolle D. *The Scandinavian Baltic Crusade 1110–1500*. Oxford: Osprey Publishing, 2007. 48 p.

Murray A. V. Henry of Livonia and the Wends of the Eastern Baltic: ethnography and biography in the thirteenth-century Livonian mission // *Studi Medievali*. 2013. № 54. Pp. 807–833.

Ochmański J. *Historia Litwy. Wyd. trzecie, poprawione i uzupełnione*. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wyd. Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1999. 395 s.

Ochmański J. *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1981. 82 s.

Paszkievicz H. *Regesta Lithuaniae ab origine usque ad Magni Ducatus cum Regno Poloniae unionem*. Tomus primus. Varsovie, 1930. 183 p.

Radiņš A. Some Notes on the Daugava Way. The End of 12th–Beginning of 13th Century. Time of Changes on the Lower Daugava // *Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area*. 1998. Pp. 178–191.

Selart A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteens Century*. Leiden; Boston: Brill, 2015. 385 p.

Szaskolskij J.P. *Walka Rusi przeciwko ekspansji niemieckich zakonów rycerkich w strefie Bałtyku od XIII od do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z 1988 r.* Red. M. Biskup. Toruń, 1990. 200 s.

Tamm M. How to justify a crusade? The conquest of Livonia and new crusade rhetoric in the early thirteenth century // *Journal of Medieval History*. 2013. Vol. 39. No. 4. Pp. 431–455.

Taube M. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neu Folge*. Breslau, 1935. S. 367–501.

Taube M. *Ungern-Sternberg. Ursprung und Anfänge des Geschlechts in Livland*. Tartu, 1940.

Tyerman C. Henry of Livonia and the Ideology of Crusading // *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier. A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*. Eds. Marek Tamm, Linda Kaljundi and Carsten Selch Jensen. Farnham: Ashgate, 2011. Pp. 23–44.

REFERENCES

Alekseev L.V. Zapadnye zemli domongol'skoi Rusi: ocherki istorii, arkheologii, kul'tury [The Western lands of pre-Mongol Russia: essays on history, archeology, culture]. Moscow: Nauka, 2006. Kn. 2. 167 p. (in Russian).

Alekseev L.V. Polotskaya zemlya v IX–XIII vv. Ocherki istorii severnoi Belorussii [Polotsk land in the IX–XIII centuries. Essays on the history of northern Belarus]. Moscow: Nauka, 1966. 295 p. (in Russian).

Artamonov Yu.A. Nestor [Nestor], in *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Ancient Rus in the medieval world. Encyclopedia]. Ed by E.A. Mel'nikovoi i V.Ya. Petrukhi-na. Moscow, 2014. Pp. 538 (in Russian).

Auns M.O. Politicheskaya struktura drevnei Latgalii XII–nachala XIII veka [The political structure of ancient Latgale of the XII–early XIII century], in *Izvestiya AN Latvii SSR*. 1982. No. 9 (422). Pp. 47–56 (in Russian).

Auns M.O. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya struktura drevnei Latgalii XII–XIII vv. [The socio-economic and political structure of ancient Latgale of the 12th–13th centuries]. The author's abstract. diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences. Riga, 1985. 24 p. (in Russian).

Bulkin V.A. Gertsike i Kukenois (k postanovke problemy) [Hercike and Kukenois (towards the formulation of the problem)], in *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy istorii gorodov* [Genesis and development of feudalism in Russia. Problems of the history of cities]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1988. Pp. 129–133 (in Russian).

Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IX–XIII vv* [Ethnic history of the North Caucasus of the 9th–13th centuries]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1994. 236 p. (in Russian).

Gadlo A.V. *Predystoriya Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze* [The prehistory of Azov Rus. Essays on the history of Russian rule in the North Caucasus]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 358 p. (in Russian).

Genrikh Latviiskii. *Khronika Livonii* [Chronicle of Livonia], in *Slavyanskie khroniki. Pokhody, bitvy, znat' Drevnei Rusi do 1240 goda* [Slavic Chronicles. Campaigns, battles, and the nobility of Ancient Russia before 1240]. Comp. A.I. Tsepkov. St. Petersburg: Glagol, 1996. Pp. 196–321 (in Russian).

Genrikh Latviiskii. Khroniki Livonii. Vvedenie, perevod i kommentarii S.A. Anninskogo [Henry of Latvia. The Chronicles of Livonia. Introduction, translation and comments by S.A. Anninsky]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1938. 608 p. (in Russian).

Danilevich V.E. *Ocherk istorii Polotskoi zemli do kontsa XIV stoletiya* [An essay on the history of the Polotsk land until the end of the XIV century]. Kiev: Tip. Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1896. 288 p. (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. Aleksandr Vil'yamovich Gadlo (1937–2002) – issledovatel' drevnostei Kryma i Kavkaza [Alexander Williamovich Gadlo (1937–2002) – researcher of the antiquities of the Crimea and the Caucasus], in *Gadlo A.V. Predystoriya Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze* [Gadlo A.V. Prehistory of Azov Rus. Essays on the history of Russian rule in the North Caucasus]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. Pp. 3–20 (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. *Rossiiskaya istoriya s drevneishikh vremen do padeniya samodержaviya* [Russian history from ancient times to the fall of the autocracy]. Moscow: Ves' Mir, 2010. 944 p. (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. *Gorodskaya obshchina Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya v XI–XV vv.* [The urban community of the Upper Dnieper and Podvinya in the 11th–15th centuries]. Moscow: Ves' Mir, 2013. 232 p. (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and chimeras. About the emergence of the ancient Russian state]. St. Petersburg: EVRAZIYa; Moscow: ID Klio, 2017. 560 p. (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. "Litva" i "Russii" v otrazhenii travelogov: ot Karpini do Gerbershteina ["Lithuania" and "Russias" in the reflection of travelogues: from Karpini to Herberstein], in *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 3. Pp. 380–396 (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. Litovsko-russkaya gosudarstvennost': istoriograficheskie i istochnikovedcheskie zametki [Lithuanian-Russian statehood: historiographical and source notes], in *Gosudarstvo i obshchestvo: Istoriya. Ekonomika. Politika. Pravo*. 2002. No. 1. Pp. 39–50 (in Russian).

Dvornichenko A.Yu. *Uskol'zayushchaya real'nost'. Litovsko-Russkoe gosudarstvo v zerkale istoricheskogo soznaniya* [Elusive reality. The Lithuanian-Russian state in the mirror of historical consciousness]. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University, 2024. 768 p.

Derzhavin N.S. *Slavyane v drevnosti. Kul'turno-istoricheskii ocherk* [Slavs in ancient times. Cultural and historical essay]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk, b/g. 215 p. (in Russian).

Keisler F. *Okonchanie pervonachal'nogo russkogo vladychestva v Pribaltiiskom krae v XIII st.* [Russian Russian rule in the Baltic Region ended in the 13th century]. St. Petersburg, 1900. 132 p. (in Russian).

Kibin' A.S. *Ot Yatvyazi do Litvy: Russkoe pogranich'e s yatvyagami i litvoi v X–XIII vekakh* [From Yatvyaz to Lithuania: The Russian border with the Yatvyags and Lithuania in the 10th–13th centuries]. Moscow: Kvadriga, 2014. 272 p. (in Russian).

Kleinenberg I.E. O toponime "Gercike" v istochnikakh XIII v. [On the toponym "Gercike" in the sources of the XIII century], in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad: Nauka, 1972. Is. IV. Pp. 123–127 (in Russian).

Komarovich V.L. Kul't roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XIII vv. [The cult of the family and the land in the princely environment of the 11th–13th centuries], in *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian literature]. 1960. T. 16. Pp. 84–104 (in Russian).

Korotaev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Al'ternativy sotsial'noi evolyutsii (vvodnye zamechaniya) [Alternatives to social evolution (introductory remarks)], in *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilization]. Moscow: Logos, 2000. Pp. 24–83 (in Russian).

Kotlyar M. Rus', Litva i Zemlya yatvyagiv u rann'omu serednovichchi [Rus, Lithuania i The Land of yatvyagiv in the early Middle Ages], in *Ukraina Lithuanica: studii z istorii Velikogo knyazivstva Litovs'kogo* [Ukraina Lithuanica: studii z istorii of the Grand Duchy of Lithuania]. Kii: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2015. T. III (in Ukrainian).

Kuza A.V. *Malye goroda Drevnei Rusi* [Small towns of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 1989. 168 p. (in Russian).

Kuz'min A. G. *Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya* [The initial stages of the Old Russian chronicle]. Moscow: Izd-vo MGU, 1977. 406 p. (in Russian).

Kuchkin V.A., Chkhaidze V.N. Tmutorokan' [Tmutorokan], in *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Rus in the medieval world: encyclopedia]. Moscow: Lodomir, 2014. Pp. 815–816 (in Russian).

Lyzhin N.P. Dva pamfleta vremen Anny Ioanovny [Two pamphlets from the time of Anna Ioanovna], in *Izvestiya Akademii Nauk po Otd. Russkogo yazyka i slovesnosti* [Proceedings of the Academy of Sciences on Otd. Russian language and literature]. 1858. Vol. VII. Pp. 49–64 (in Russian).

Maiorov A.V. Iz istorii belorusskogo letopisaniya: polotskaya letopis' V.N. Tatishcheva [From the history of the Belarusian chronicle: the Polotsk Chronicle by V.N. Tatishchev], in *Vestnik PGU*. 2005. No. 1. Pp. 1–19 (in Russian).

Maiorov A.V. Prusskii vopros vo vneshnei politike Daniila Galitskogo [The Prussian question in the foreign policy of Daniil Galitsky], in *Rossica Antiqua*. 2011. No. 2. Pp. 102–119 (in Russian).

Maiorov A.V. O Polotskoi letopisi V.N. Tatishcheva [On the Polotsk Chronicle by V.N. Tatishchev], in *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*. Vol. 57. St. Petersburg, 2006. Pp. 321–343 (in Russian).

Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonostsy i Rus'. Konets XII –1270 g. Teksty, perevod, kommentarii* [Crusaders and Russia. The end of 12th–1270. Texts, translation, comments]. Moscow: Indrik, 2002. 450 p. (in Russian).

Mugurevich E.S. *Vostochnaya Latvija i sosednie zemli v X–XIII vv.* [Eastern Latvia and neighboring lands in the 10th–13th centuries]. Riga: Zinatne, 1965. 145 p. (in Russian).

Mugurevich E.M., Stubavs A.Ya. *Ekonomicheskie svyazi naseleniya nizov'ev Daugavy s Rus'yu v period rannego feodalizma (X–XII vv.)* [Economic relations of the population of the lower reaches of the Daugava with Russia in the period of early feudalism (10th–12th centuries)], in *Tezisy dokladov i soobshchenii konferentsii po istorii ekonomicheskikh svyazei Pribaltiki s Rossiei* [Abstract of reports and communications of the conference on the history of economic relations of the Baltic States with Russia]. Riga, 1966. Pp. 3–6 (in Russian).

Nazarova E.L. *Iz istorii vzaimootnoshenii livov v Rus'yu (X–XIII vv.)* [From the history of relations between the Livs in Russia (10th–13th centuries)], in *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1985 god* [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research, 1985]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 177–184 (in Russian).

Nazarova E.L. *Pravoslavie i sotsial'naya struktura obshchestva v Latvii (IX–XIII vv.)* [Orthodoxy and the social structure of society in Latvia (IX–XIII centuries)], in *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 201–211 (in Russian).

Nazarova E.L. *Russko-latgal'skie kontakty v XII–XIII vv. v svete genealogii knyazei Ersiki i Koknese* [Russian-Latgalian contacts in the 12th–13th centuries in the light of the genealogy of Princes Yersiki and Koknese], in *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 1992–1993* [Ancient states of Eastern Europe, 1992–1993]. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 182–196 (in Russian).

Nasonov A.N. *"Russkaya Zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva* ["Russian land" and the formation of the territory of the ancient Russian state]. Moscow: Nauka, 1954. 262 p. (in Russian).

Pashuto V.T. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [The formation of the Lithuanian state]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959. 536 p. (in Russian).

Pashuto V.T. *Rifmovannaya khronika kak istochnik po russkoi istorii* [The rhymed chronicle as a source on Russian history], in *Pashuto V.T. Rus'. Pribaltika. Papstvo. Izbrannye stat'i* [Pashuto V.T. Rus. The Baltic States. The Papacy. Selected articles]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. Pp. 102–108 (in Russian).

Pashuto V.T. *Strany Pribaltiiskogo regiona* [Countries of the Baltic region], in *Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. Puti razvitiya feodalizma* [Novoseltsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. Ways of development of feudalism]. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 252–302 (in Russian).

Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym [Songs collected by P.N. Rybnikov]. V 3 tomakh: T. 1. Moscow: Izdanie firmy "SOTRUDNIK ShKOL", 1909. 512 p. (in Russian).

Povest' vremennykh let [A tale of bygone years]. Ed. by V.I. Adrianovoi-Peretts. St. Petersburg: Nauka, 1996. 667 p. (in Russian).

- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Russian Chronicles Complete Collection]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. 733 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Russian Chronicles Complete Collection]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 648 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Russian Chronicles Complete Collection]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 692 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Russian Chronicles Complete Collection]. Vol. 41. Moscow: Nauka, 1995. 179 p. (in Russian).
- Pyatnov A.P. Polotskaya zemlya v poslednei chetverti XII veka [Polotsk land in the last quarter of the 12th century], in *Rossica Antiqua*. 2010. No. 1. Pp. 128–143 (in Russian).
- Rukavishnikov A.P. Ob organizatsii vlasti v Polotske v kontse XII–seredine XIII veka [On the organization of power in Polotsk at the end of the 12th–middle of the 13th century], in *Voprosy istorii*. 1999. No. 3. Pp. 116–123 (in Russian).
- Rukavishnikov A.P. Nekotorye voprosy istorii Polotskoi zemli domongol'skogo perioda [Some questions of the history of the Polotsk land of the pre-Mongol period], in *Russkoe srednevekov'e. 2000–2001*. Moscow, 2002. Pp. 40–69 (in Russian).
- Rukavishnikov A.P. Obshchestvennyi stroi Polotska v kontse XII–pervoi polovine XIII v. (Po materialam "Khroniki Pol'skoi" M. Strykovskogo) [The social system of Polotsk at the end of the 12th–first half of the 13th century (Based on the materials of the "Chronicle of Poland" by M. Strykovsky)], in *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Moscow, 2000. Vol. 2 (150). Pp. 268–274 (in Russian).
- Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Toma II i III. Istoriya Rossiiskaya. Chast' vtoraya*. [Collected works in eight volumes. Volumes II and III. Russian history. Part two]. Moscow: Ladomir, 1995. 696 p. (in Russian).
- Temushev S.N. *Nalogi i dan' v Drevnei Rusi* [Taxes and tribute in Ancient Russia]. Moscow: Kvadriga, 2021. 375 p. (in Russian).
- Uspenskii F.B. *Skandinav. Varyagi. Rus'. Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians. The Varangians. Russia. Historical and philological essays]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 456 p. (in Russian).
- Florya B.N. Istoricheskaya traditsiya ob obshchestvennom stroe srednevekovogo Polotska [Historical tradition about the social structure of medieval Polotsk], in *Otechestvennaya istoriya*. 1995. No. 5. Pp. 110–116 (in Russian).
- Froyanov I.Ya. *Lektsii po russkoi istorii. Kievskaya Rus'* [Lectures on Russian history. Kievan Rus]. St. Petersburg: Russkaya kolleksiya, 2015. 1048 p. (in Russian).
- Froyanov I.Ya. *Rabstvo i dannichestvo v Drevnei Rusi* [Slavery and tributary in Ancient Russia]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. 512 p. (in Russian).
- Froyanov I.Ya., Dvornichenko A.Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi* [City-states of Ancient Russia]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1988. 269 p. (in Russian).

Froyanov I.Ya., Yudin Yu.I. *Bylinnaya istoriya (Raboty raznykh let)* [Epic history (Works of different years)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1997. 591 p. (in Russian).

Cheshikhin-Vetrinskii E.V. *Khronika Livonii Genrikha Latviiskogo* [Chronicle of Livonia by Henry of Latvia], in *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraja* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]. Vol. 1. Riga, 1876. Pp. 65–285 (in Russian).

Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh* [Searches about the oldest Russian chronicle vaults]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 687 p. (in Russian).

Shtykhov G.V. *Goroda Polotskoi zemli (IX–XIII vv.)* [Cities of Polotsk land (9th–13th centuries)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1978. 160 p. (in Russian).

Shchapov Ya.N. *Formirovanie i razvitie tserkovnoi organizatsii na Rusi v kontse X–XII vv.* [Formation and development of the church organization in Russia at the end of the X–XII centuries], in *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1985* [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and Research, 1985]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 58–62 (in Russian).

Auns M. Acquisition of the Acquired. The Establishing of a Real Administration in Livonia, in *Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area 1100–1400 AD*. Ed. Nils Blomkvist. Visby, 1998 (Acta Visbyensia. Vol. 11).

Balodis F. *Jersika*. Riga: Pieminekļu valdes izdevums, 1940. S. 40–69.

Brincken A.-D., von den. *Die "Nationes Christianorum Orientalium" im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts*. Cologne; Vienna, 1973. 552 s.

Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischen Boden im 13. Jahrhundert, in *FOG*. Bd. 25. 1978. S. 124.

Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens*. Münster-Cologne, 1954. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas. T. 1). 264 s.

Johansen P. *Über die deutschen Ortsnamen Estlands*. Reval, 1930. S. 10.

Kaljundi L., Tamm M. "Henry of Livonia." *Bloomsbury History Theory and Method*. London: Bloomsbury, 2022. Bloomsbury History Theory and Method. Web. 30 Nov. 2022. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365994369_Henry_of_Livonia (accessed by 20 July 2023).

Kivimäe J. Henricus the Etnographer: Reflections on Ethnicity in the Chronicle of Livonia, in *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier. A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*. Ed. Tamm Marek, Linda Kaljundi, Carsten Selch Jensen. Burlington, VT: Ashgate Publishing. 2011. 484 p.

Kivimäe J. Servi Beatae Marie Virginis Christians and Pagans in Henry's Chronicle of Livonia. Ed. By Kirsi Salonen, Sari Katajala-Peltonaa, in *Church and Belief in the Middle*

Ages. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. (Vol 3. Crossing Boundaries. Turku Medieval and Early Modern Studies). Pp. 201–226.

Kosman M. *Zmierch Perkuna czyli ostatni poganie nad Bałtykiem*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981. 388 s.

Krötzl C. Finnen, Liven, Russen. Zur päpstlichen Politik im nördlichen Ostseeraum im 12. und 13. Jahrhundert, in *Ab Aquilone. Nordic Studie in Honour and Memory of Leonard E. Boyle*. Ed. by Marie-Louise Rodén, *Skrifter utgivna av Riksarkivet*, 14. *Suecoromana, Studia artis historiae Instituti Romani Regni Sueciae*, 6. Stockholm: Riksarkivet, 1999. Pp. 44–56.

Lindholm D., Nicolle D. *The Scandinavian Baltic Crusade 1110–1500*. Oxford: Osprey Publishing, 2007. 48 p.

Murray A.V. Henry of Livonia and the Wends of the Eastern Baltic: ethnography and biography in the thirteenth-century Livonian mission, in *Studi Medievali*. 2013. No. 54. Pp. 807–833.

Ochmański J. *Historia Litwy. Wyd. trzecie, poprawione i uzupełnione*. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wyd. Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1999. 395 s.

Ochmański J. *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1981. 82 s.

Paszkievicz H. *Regesta Lithuanie ab origine usque ad Magni Ducatus cum Regno Poloniae unionem*. Tomus primus. Varsovie, 1930. 183 p.

Radiņš A. Some Notes on the Daugava Way. The End of 12th–Beginning of 13th Century. Time of Changes on the Lower Daugava, in *Culture Clash or Compromise? The Europeanisation of the Baltic Sea Area*. 1998. Pp. 178–191.

Selart A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteens Century*. Leiden; Boston: Brill, 2015. 385 p.

Szaskolskij J.P. *Walka Rusi przeciwko ekspansji niemieckich zakonów rycerkich w strefie Bałtyku od XIII od do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z 1988 r.* Red. M. Biskup. Toruń, 1990. 200 s.

Tamm M. How to justify a crusade? The conquest of Livonia and new crusade rhetoric in the early thirteenth century, in *Journal of Medieval History*. 2013. Vol. 39. No. 4. Pp. 431–455.

Taube M. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands, in *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neu Folge*. Breslau, 1935. S. 367–501.

Taube M. *Ungern-Sternberg. Ursprung und Anfänge des Geschlechts in Livland*. Tartu, 1940.

Tyerman C. Henry of Livonia and the Ideology of Crusading, in *Crusading and Chronicle Writing on the Medieval Baltic Frontier. A Companion to the Chronicle of Henry of Livonia*. Eds. Marek Tamm, Linda Kaljundi and Carsten Selch Jensen. Farnham: Ashgate, 2011. Pp. 23–44.

Статья принята к публикации 21.09.2023